

9. Berdyaev, N.A. (1990) *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Moscow: Mysl'.
10. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2 t.* [Philosophy of Creativity, Culture and Art. In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo. pp. 416–420.

УДК 379.831

DOI: 10.24412/2070-075X-2020-10013

С.И. Шошина

ИСТОКИ РОССИЙСКОГО КЛУБА

В центре внимания исторические истоки российского клуба. Культурологическая атрибуция элементов клубной жизни, усиленная сравнительно-историческим методом и элементами историко-этимологического анализа, позволила уточнить европейские и русские истоки клуба, сформировавшиеся как устойчивые формы организации досуга (протоклубы).

В качестве протоклуба русской культуры обозначены «посиделки», об исконности и древнейшем происхождении которых свидетельствует традиция пересказов старины (былин), известных по древнерусским литературным памятникам XIII в.

Ключевые слова: культура, социокультурная деятельность, клуб, досуг, свободное время, культурологическая атрибуция, протоклуб.

Актуальность уточнения истоков российского клуба обусловлена необходимостью в контексте развития современной отечественной теории социокультурной деятельности рассмотреть историческую эволюцию досуговых практик, сформировавших клуб, в непрерывности их социокультурного развития с момента появления до модернизации в течение последнего времени.

Как указывает один из ведущих теоретиков современной отечественной теории социокультурной деятельности В.В. Туев: «Истоки клуба восходят к древнегреческим гетериям, древнеримским коллегиям, английским кофейням, русским трактирам... Изучение антологии клубной жизни дает знания не только о прошлом клуба, но и основательно оснащает нас в настоящем, позволяет более вариативно конструировать будущие модели клуба» [1. С. 3-4]. Хотя в советской доктрине начиная со второй половины 1920 г. сформировался устойчивый миф, что все культурные явления, достойные внимания, носили революционный характер и только после Октября обрели достойное место в культуре. Так, в частности, Н.К. Крупская подчеркивала, что только «со времени революции рабочие повсюду организуют свои рабочие клубы» [2. Т. 8. С. 7], приводя далее в качестве примера развитой клубной системы американский опыт и разъясняя причины того, что рабочие клубы в Советской России «нередко хиреют и иногда даже и вовсе закрываются», методической и политической незрелостью их организаторов [2. Т. 8. С. 7-12]. Она ратовала «за пропитывание всех отраслей клубной работы духом марксизма-ленинизма», хотя и обратила внимание, что «барская недооценка самодеятельности – родовая черта деформированного социализма» [3. С. 126].

Безусловно, после Октябрьской революции коренным образом меняется отношение государства к клубному движению, что повлияло на содержание организуемого в клубах досуга. Уже с 1930 г. под клубом стало пониматься клубное учреждение, реализующее посредством просвещения и пропаганды государственную политику. Однако возврат к пониманию клуба как объединения людей для организации коллективного досуга, наметившийся в 1970-1980 гг., ломает стереотип отнесения советского клуба к уникальному явлению советской культуры, не имевшему исторических корней. В этой

связи целесообразно уточнить, каковы же в действительности исторические истоки отечественного клуба, чтобы полнее представлять сущность образующих его практик.

Осмыслению позитивного опыта советской клубной системы традиционно уделяется большое внимание (Н.Г. Кулинич [4], Т.М. Смирнова [5], Ю.А. Стрельцов [6], Г.Н. Яковлева [7] и др.). Многие работы освещают опыт отдельных клубов. В целом же исследования исторических этапов клубного движения и клубов как неотъемлемого самовоспроизводящегося элемента культуры немногочисленны. Среди них можно выделить труды В.В. Туева [1], Л.В. Завьяловой [8], Н.Н. Ярошенко [9], С.С. Комиссаренко [10] в которых установлено значение образования Английского клуба в 1770 г. в Санкт-Петербурге, определена общая тенденция к демократизации клубного движения, подчеркнут его светский характер, взаимосвязь эволюции клуба с развитием гражданского общества, с изменениями традиций организации свободного времени и праздничной культуры.

В целом ученые и просветители достаточно часто обращаются к теме клубной жизни, связывая ее с европейской культурой [11]. В 1770 г. клуб, или «Английское собрание», созданный разорившимся к началу 1770 г. владельцем гостиницы голландцем К. Гардинером, у которого собирались представители самого многочисленного в Петербурге иностранного землячества – британского, с участием английского предпринимателя и банкира, проживавшего в Санкт-Петербурге владельца мануфактуры Ф. Гарднера, по образу и подобию английских клубов, как «собрание приятных собеседников», получил официальное разрешение императрицы Екатерины II на общественную деятельность. Его устав был утвержден министром внутренних дел. Эта дата свидетельствует об этапе развития клубного движения, и правомерен вопрос о его существовании до официального признания.

Целью данного исследования является попытка культурологической атрибуции практик, лежащих в основании развития российского клуба с культурными традициями организации свободного времени.

Объект исследования – исторический процесс развития клубного движения в России. Предмет исследования – исторические истоки развития клубов в России.

Научная новизна исследования состоит в уточнении и авторской интерпретации событий, лежащих в основании развития российского клуба, в том числе ставится под сомнение привязка начального этапа развития клубного движения в России к 1770 г., дате организации в Санкт-Петербурге Английского клуба, вводится понятие *протоклуба* – устойчивой культурной практики организации коллективного досуга, предшествующей становлению клуба как неотъемлемого самовоспроизводящегося элемента культуры.

Методология исследования строится на основе сравнительно-исторического метода, позволяющего обозначить в действиях, лежащих в основании развития российского клуба, традиционные и инновационные для своего времени черты. Осуществляется культурологическая атрибуция (А.Я. Флиер [12], Г.В. Бакуменко [13. С. 21-22]) элементов клубной жизни с культурными традициями организации досуга, использованы элементы историко-этимологического метода. Помимо опоры на традицию отечественной культурологии и теории социокультурной деятельности, в работе учитываются положения теории праздного класса Т. Веблена [14] и антропологической концепции обрядов перехода А. Ван Геннепа [15].

Источниковедческая база исследования формируется в результате осмысления теоретического дискурса в рамках обращения теории социокультурной деятельности к истории клубного движения.

Соглашаясь с рядом теоретиков в оценке важности даты официального признания Екатериной II, а по существу монаршего благословения на открытие Английского клуба в Санкт-Петербурге [1; 8], нельзя не отметить родственность клубного движения в России с развитием институциональной среды гражданского общества [1; 8; 9]. В этой связи сразу же возникает вопрос, почему не рассматривать год официального призна-

ния Екатериной II Вольного экономического общества (1765) столь же значительной датой для клубного движения?

Специалисты НИУ ВШЭ, к примеру, в рамках периодизации развития гражданского общества в России первый этап датируют 1760-1860 гг. [15. С. 14-17], очевидно полагая, что до официального признания вольных обществ они все же развивались в рамках частной инициативы за пределами государства и церкви. И эта частная инициатива носила характер объединения людей для организации свободного времени. Следовательно, есть основания считать, что вольные общества опирались на клубные формы организации досуга. Отметим, что формальные даты (1765, 1770) не раскрывают социокультурной природы клубного движения, всего лишь акцентируя внимание на том, что для российской ментальности монаршее (государственное) признание культурного явления имеет большое значение: оно инициирует нормативность явления, помещает его в ценностно-смысловую сферу дозволенного [15], но прежде это явление уже должно существовать в какой-либо культурной традиции. Если такая традиция сформирована отечественной культурой, то феномен можно атрибутировать с ней, в противном же случае его следует атрибутировать как инокультурное заимствование.

К историческим истокам феномена отечественного клуба В.В. Туев относит древнегреческие гетерии, древнеримские коллегии, английские кофейни и русские трактиры, предполагая, что каждая культура самостоятельно сформировала некоторый исторический прототип клуба [1. С. 3]. Если признать древнегреческие гетерии одним из ранних прототипов, то следует упомянуть о «Республике писем» (лат. *Respublica literaria* или фр. *Republique des Lettres*), о которой писал в 1417 г. видный антикварий и дипломат Венецианской республики Ф. Барбаро в письме к не менее известному коллекционеру античных рукописей П. Браччолини [17. Р. 475]. Хорошо известный клуб по переписке, объединявший примерно с XIV в. известных европейских ученых, просветителей и государственных деятелей¹, достиг расцвета и значительного влияния в XVII-XVIII вв., содействуя образованию национальных академий наук, в том числе и в России (1724). Дата образования Российской академии наук не менее значительна в плане официального признания влиятельности европейского клубного движения, приведшего к профессионализации науки и просвещения, существовавших длительное время лишь в качестве особой формы организации элитарного досуга. «Академия» этимологически восходит к имени легендарного древнегреческого героя Академа, по преданию захороненного в оливковой роще близ Афин, в которой Платон примерно с 387 г. до н.э. проводил собрания своего «просветительско-философского клуба» (школы).

Что до такого прототипа, как «русский трактир», то его следует поставить под сомнение. Этимологически «трактир» восходит к нидерландскому слову «*trakteren*» или немецкому «*traktieren*» («угощать»), что подчеркивает культурное заимствование, которое следует связывать с петровским временем. Правовой статус трактиры в России получают в 1861 г. [18. С. 14-15], до того они по указу Петра I именовались «гербергами» и были предназначены для отдыха прибывших в Москву или Санкт-Петербург титулованных иностранцев². Если же В.В. Туев имеет в виду русский кабац, заведение, учрежденное Иваном Грозным на Балчуге для попоек опричников ввиду запрета пить водку всем остальным русским людям (ок. 1547-1552 гг.) [19], то опять имеем дело с заимствованием из немецкого «*кабак*» («ветхий дом») [20], а до того славяне питейное заведение называли «корчма» или «шинок» примерно с XI в., – слова, связанные также с инокультурным влиянием [21]. Лингвистические заимствования говорят о том, что пьянство никогда не составляло культурную традицию и не было смыслом орга-

¹ К числу членов «Республики писем» следует отнести и Екатерину II: ее переписка с Вольтером, д'Аламбер, М. Гриммом и Дидро о том свидетельствует.

² Русские дворяне, как правило, в столицах имели собственные дома, потому посещение ими гербергов было связано со светскими приемами, организованными иностранцами.

низации досуга. Для славян свойственно организовывать коллективный досуг в форме массовых гуляний, регламентированных праздничным календарем. Массовость народных гуляний исключает элитарность клуба.

С достаточной степенью условности единственно возможным его прототипом, связанным с русскими народными традициями, можно считать посиделки [22]. Их закрытый характер связан с подготовкой к обрядам (девичники, мальчишники накануне свадьбы и пр.) или с обычаем коротать свободное время в кругу родичей, друзей, соседей с угощениями, распеванием песен, пересказами былин, сказок, а затянувшиеся посиделки сопровождалась и рукоделием. Точно установить время формирования традиции посиделок затруднительно, но очевидно, что с ними связан обычай пересказа старины (былин), известных нам по древнерусским литературным памятникам XIII в. Об архаичности посиделок свидетельствует и тот факт, что они сохранились практически в неизменной форме до сих пор, органично войдя и в традиции аристократического клуба конца XVIII – начала XIX вв., и в советскую клубную культуру.

Нельзя исключать, что вокруг посиделок организовывался некоторый коллектив, ориентирующийся на костяк мастеров пения, наигрыша на музыкальных инструментах, рассказа и пр. Поэтому эту русскую народную традицию можно отнести к форме протоклуба – к самостоятельной социокультурной практике организации коллективного досуга.

Европейский же аристократический клуб связан с элитарностью, с самоинициацией праздного класса [14; 15]. Для его становления или культурного заимствования первоначально должен был сформироваться в российском обществе дистанцирующийся от доминирующей традиции организации досуга праздный класс. Эта форма организации свободного времени заимствуется зарождающейся в петровскую эпоху российской аристократией. И здесь решающую роль сыграли Петровские ассамблеи и Невские катания (прототип яхт-клуба) (1718) [10]. Петр I удивительным образом совместил европейские формы организации досуга с русской традицией массовых гуляний, заставляя развлекаться на европейский манер весь двор.

Диспозиция европейской и российской культур позволяет феномен российского аристократического клуба атрибутировать с европейским влиянием. Результатами имплантации европейской культуры в публичную и частную сферы жизни российского дворянства, с одной стороны, стало формирование и укрепление светского общества за пределами церкви, а с другой – языковая и культурная ассимиляция российского дворянства, формирование особой аристократической идентичности, выраженной не только в организации досуга на европейский манер, но и разрывом семантических связей с традиционными для Московии культурными практиками.

Культурные трансформации дворянства в доекатерининскую эпоху носили сложный синкретичный, многоплановый характер. Политизация аристократического протоклуба в борьбе за петровское наследие³ свидетельствует, в том числе, о синкретизме культурной и политической жизни придворного общества.

Из указанного выше наблюдения следует заключить, что основной характерной чертой протоклуба является именно синкретизм досуговых, матримониальных, просветительских, политических, дипломатических и прочих практик, в рамках которых клуб формировался как устойчивое социокультурное явление. Протоклуб лишен практики инициации [15] – символической процедуры принятия основателями или постоянными членами клуба нового участника коллективного времяпрепровождения. Клуб как социокультурное явление отличается уникальным этическим кодексом поведения его членов, прописанными или установленными обычаем правилами клуба. Потоклуб же лишен подобных условностей.

Петровские социокультурные инновации сопровождалась четкими рекомендациями самодержца о правилах поведения в ходе аристократических развлечений и массовых

³ Автор имеет в виду эпоху дворцовых переворотов.

гуляний. Однако они были лишены принципа самоорганизации, отличающего устойчивое социокультурное явление. Значительным фактором, повлиявшим на развитие в России клубного движения, на наш взгляд, стало стремление знати угодить самодержцу в его развлечениях и тем самым приблизиться к кругу влиятельных при дворе персон. Вокруг монарха, как инициатора досуговых мероприятий, формировалась своя иерархия, разделявшая светское общество по степени культурной близости к центральной персоне. Этот социообразующий механизм был взят дворянским сословием на вооружение. И еще при жизни Петра светская мода на организацию званых тожеств по различным поводам привела в том числе и к их проведению на регулярной основе. Так постепенно формировался российский аристократический клуб, расцветший в полной мере при Екатерине II.

Таким образом, исторические истоки российских клубов имеют двойственные основания.

Следует согласиться с В.В. Туевым в том, что русская культура самостоятельно сформировала собственный уникальный исторический прототип клуба (протоклуб), но это был не трактир и не кабак, а посиделки – традиционная форма организации свободного времени русской народной культуры. Осуществляя культурологическую атрибуцию этого элемента протоклубной жизни, мы можем утверждать, что он является одним из архаичных (древних) способов организации досуга славянами, а затем и русичами, объединенными Москвой.

К фактам признания европейского клуба как способа организации свободного времени праздного класса (исток аристократического клуба) следует отнести Петровские ассамблеи и Невские катания (1718), организацию Российской академии наук (1724) и моду на светские рауты, в рамках которых формировалась клубная культура аристократии одновременно со становлением самого класса, с формированием его идентичности за пределами влияния Русской Православной церкви, отличной от народной культуры и культуры московского двора. Многочисленные элементы клубной жизни импортируются из европейской культуры в петровскую эпоху благодаря активной социокультурной деятельности Петра I, его стремления возвеличить Санкт-Петербург до уровня европейских столиц, до уровня влиятельных культурных центров Европы.

Вольные общества и аристократические клубы екатерининской эпохи сохраняют черты европейского культурного влияния. Но к этому времени уже сформировался особый праздный класс российской аристократии, частью образа жизни которого стало салонное (клубное) времяпрепровождение. Организация Английского клуба (1770) свидетельствует о востребованности в светском обществе России клуба как особого учреждения для организации досуга, о наличии сформированной потребности на организацию досуга в подобной форме. Следует считать, что к этому времени аристократический клуб как неотъемлемый самовоспроизводящийся элемент культуры русского дворянства уже сформировался.

Сделанные выводы позволяют указать одно из направлений перспективных исследований. Интересно проследить, как аристократический клуб, сформировавшийся под влиянием европейской культуры в XVIII в., в первой половине XIX в. становится фактором интенсивного развития русской культуры, а во второй половине уже экспортирует ее достижения в Европу.

Литература

1. Туев В.В. Феномен клуба: историко-педагогический анализ: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 52 с.
2. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1957-1963.

3. Триодин В.Е. Путешествие на машине социально-культурного времени: Антология социально-культурной деятельности В.М. Рябкова (12 т. Челябинск, 2006-2018) // Вестник культуры и искусств. 2019. № 2 (58). С. 125-131.
4. Кулинич Н.Г. Роль рабочих клубов в организации досуга горожан советского Дальнего Востока в 1920-1930-е гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 46-55.
5. Смирнова Т.М. Становление советских польских клубов и дома просвещения в Петрограде – Ленинграде (1918-1920-е гг.) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 4 (26). С. 69-87.
6. Стрельцов Ю.А. Развитие теоретических основ просветительской деятельности советских клубов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1989. 44 с.
7. Яковлева Г.Н. Клубы и культурно-просветительские кружки латышского населения Витебщины в первое десятилетие Советской власти // Искусство и культура. 2012. № 1 (5). С. 58-67.
8. Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770-1918: очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 200 с.
9. Ярошенко Н.Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 114-127. DOI:10.24411/1997-0803-2019-10210.
10. Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб.: СПбГУП, 2003. 302 с.
11. Рябков В.М. Антология научно-педагогической работы ведущих ученых социально-культурной деятельности России: вторая половина XX – начало XXI в.: в 12 тт. Челябинск: ЧГАКИ, 2014. Т. 11. 420 с.
12. Флиер А.Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139-144.
13. Бакуменко Г.В. Символизация успеха в современном кинематографе: дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2019. 285 с.
14. Веблен Т.Б. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
15. Ван Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
16. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.
17. Waquet F. Qu'est-ce que la République des Lettres? Essai de sémantique historique // Bibliothèque de l'École des chartes. 1989. Т. 147. Р. 473-502.
18. Дегтярев С.О. Гостиничное дело в дореволюционной Москве: 1861-1914 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2015. 228 с.
19. Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга. 1749-1751. СПб.: СПб. филиал Архива РАН, 1997. 416 с.
20. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб.: скл. изд. у Д.Н. Бородина, 1910. 98 с.
21. Травер П.В. История и образ кабака и трактира в русской культуре. Ч. 1. Об истории кабака на Руси и трактира в России // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 90-109.
22. Бердяева О.С., Мусатова Е.В. Традиция посиделок Новгородской области как явление русской культуры: смысл и символика обряда (по материалам фольклорного архива НОВГУ за 1980-2006 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2006. № 38. С. 52-56.

The Origins of the Russian Club

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2020, 3 (78), 103–110. DOI: 10.24412/2070-075X-2020-10013

Svetlana I. Shoshina, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev (Moscow, Russian Federation). E-mail: kyara76@mail.ru

Keywords: culture, sociocultural activity, club, leisure, free time, culturological attribution, protoclub.

The research focuses on the historical origin of domestic clubs, the elements of club life that underlie the historical development of the club movement in Russia. The culturological attribution of the elements of club life, supported by a comparative historical method and elements of historical and etymological analysis, made it possible to clarify the European and Russian origins of the club. These origins developed as stable forms of cultural organization of leisure, which the author identifies as the protoclub. Agreeing with a number of researchers in assessing the importance of the date of the official opening of the English Club in St. Petersburg by Catherine II (1770), the author draws attention to the fact that the dates of the formation of the Free Economic Society (1765) and the Russian Academy of Sciences (1724), the organization of Peter's Assemblies and the Nevsky skating (1718) are also significant in the study of the sociocultural nature of the club movement. The novelty of the research lies in the clarification and author's interpretation of practices that underlie the development of the Russian club and in the introduction of the concept “protoclub”. The latter denotes a sustainable cultural practice of organizing collective leisure that precedes the formation of the club as an integral self-reproducing element of culture. According to the author, the protoclub of Russian culture is “posidelki” (gatherings): their primacy and ancient origin are evidenced by the tradition of retelling starinas (oral epic poems) known to us from the ancient Russian literary monuments of the 13th century. The author sees the prospects of the research in tracing how the aristocratic club formed under the influence of European culture in the 18th century becomes a factor in the intensive development of Russian culture in the first half of the 19th century and, in its second half, already exports its achievements to Europe.

References

1. Tuev, V.V. (1998) *Fenomen kluba: istoriko-pedagogicheskiy analiz* [The Phenomenon of the Club: A Historical and Pedagogical Analysis]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
2. Krupskaya, N.K. (1957–1963) *Pedagogicheskie sochineniya: v 10 tt.* [Pedagogical Works: In 10 Vols]. Moscow: USSR Academy of Pedagogical Sciences.
3. Triodin, V.E. (2019) Puteshestvie na mashine sotsial'no-kul'turnogo vremeni: Antologiya sotsial'no-kul'turnoy deyatelnosti V.M. Ryabkova (12 t. Chelyabinsk, 2006–2018) [Traveling on a Sociocultural Time Machine: An Anthology of Social and Cultural Activities of V.M. Ryabkov (12 Vols. Chelyabinsk, 2006–2018)]. *Vestnik kul'tury i iskusstv – Culture and Arts Herald*. 2 (58). pp. 125–131.
4. Kulinich, N.G. (2017) Rol' rabochikh klubov v organizatsii dosuga gorozhan sovetского Dal'nego Vostoka v 1920-e–1930-e gg. [The Role of Workers' Clubs in Organizing Leisure Activities for the Citizens of the Soviet Far East in the 1920s–1930s]. *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 46–55.
5. Smirnova, T.M. (2019) The Formation of Soviet Polish Clubs and the House of Education in Petrograd – Leningrad (1918–1920s). *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*. 4 (26). pp. 69–87. (In Russian).
6. Strel'tsov, Yu.A. (1989) *Razvitie teoreticheskikh osnov prosvetitel'noy deyatelnosti sovetskikh klubov* [The Development of the Theoretical Foundations of the Educational Activities of Soviet Clubs]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.

7. Yakovleva, G.N. (2012) Clubs and Cultural and Educational Groups of the Latvian Population in Vitebsk Region in the First Decade of Soviet Power. *Iskusstvo i kul'tura*. 1 (5). pp. 58–67. (In Russian).
8. Zav'yalova, L.V. (2008) *Peterburgskiy Angliyskiy klub, 1770–1918: Ocherki istorii* [The Petersburg English Club, 1770–1918: Essays on History]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
9. Yaroshenko, N.N. (2019) The Main Stages of Historical and Pedagogical Research of Social and Cultural Activity in Russia of the End of the XIX – Beginning of the XXI Centuries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2 (88). pp. 114–127. (In Russian). DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210
10. Komissarenko, S.S. (2003) *Kul'turnye traditsii russkogo obshchestva* [Cultural Traditions of Russian Society]. St. Petersburg: Saint Petersburg University of Trade Unions.
11. Ryabkov, V.M. (2014) *Antologiya nauchno-pedagogicheskoy raboty vedushchikh uchenykh sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti Rossii: vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.: v 12 tt.* [Anthology of Scientific and Pedagogical Works of Leading Scientists of Social and Cultural Activities in Russia: The Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Centuries: In 12 Vols]. Vol. 11. Chelyabinsk: ChGAKI.
12. Flier, A.Ya. (2011) Cultural Attribution as a Method of Research. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 4. pp. 139–144. (In Russian).
13. Bakumenko, G.V. (2019) *Simvolizatsiya uspekha v sovremennom kinematografe* [Symbolization of Success in Modern Cinema]. Culturology Cand. Diss. Krasnodar.
14. Veblen, T.B. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Translated from English. Moscow: Progress.
15. van Gennep, A. (1999) *Obryady perekhoda: Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The Rites of Passage]. Translated from French by Yu.V. Ivanova, L.V. Pokrovskaya. Moscow: Vostochnaya literatura.
16. Yakobson, L.I. et al. (2011) *Grazhdanskoe obshchestvo v moderniziruyushcheyssya Rossii* [Civil Society in the Modernizing Russia]. Moscow: HSE.
17. Waquet, F. (1989) Qu'est-ce que la République des Lettres? Essai de sémantique historique. *Bibliothèque de l'École des chartes*. 147. pp. 473–502.
18. Degtyarev, S.O. (2015) *Gostinichnoe delo v dorevolyutsionnoy Moskve: 1861–1914 gg.* [Hotel Business in Pre-Revolutionary Moscow: 1861–1914]. History Cand. Diss. Moscow.
19. Bogdanov, A.I. (1997) *Opisanie Sankt-Peterburga. 1749–1751* [A Description of St. Petersburg. 1749–1751]. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.
20. Borodin, D.N. (1910) *Kabak i ego proshloe* [The Pub and Its Past]. St. Petersburg: skl. izd. u D.N. Borodina.
21. Traver, P.V. (2013) The History and the Image of a Pub and a Tavern in Russian Culture. Part 1. About the History of a Pub in Ancient Rus and a Tavern in Russia. *Istoriya i sovremennost' – History and Modernity*. 1 (17). pp. 90–109. (In Russian).
22. Berdyayeva, O.S. & Musatova, E.V. (2006) Traditsiya posidelok Novgorodskoy oblasti kak yavlenie russkoy kul'tury: smysl i simbolika obryada (po materialam fol'klornogo arkhiva NOVGU za 1980–2006 gg.) [The Tradition of Gatherings in Novgorod Oblast as a Phenomenon of Russian Culture: The Meaning and Symbolism of the Ceremony (Based on the Materials of the Yaroslav the Wise Novgorod State University Folklore Archive for 1980–2006)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 38. pp. 52–56.

